

Глава 5 — Взрывоопасные открытия

Второй инструмент, который подготовила Эмили, был простым, но эффективным — два вращающихся цилиндра, закреплённых на тяжёлом металлическом основании, между которыми была натянута абразивная лента. Она подключает ленточную шлифовальную машину к паровой линии и устанавливает лупу с антибликовым покрытием под небольшим углом, чтобы внимательно следить за снятием материала.

На этот раз она снова начинает с самого маленького кристалла — на случай, если его повредит. Лента оживает, когда Эмили медленно нажимает ногой на педаль. Она опускает кристалл к ленте, чтобы снять излишки металла, всё ещё прилипшие к его поверхности, и от него в сторону стены тут же летит яркое море искр. Она постепенно усиливает нажим, пока металл всё больше и больше сходит, открывая сам кристалл.

И вдруг поток искр гаснет так же внезапно, как и возник, а Эмили ощущает странное, неестественное исчезновение сопротивления — будто кристалл вовсе перестал упираться в движущуюся ленту. В панике она отдёргивает его и осматривает ту сторону, которая соприкасалась с шлифовальной лентой.

Ни единой царапины. Видимая поверхность кристалла идеальна, под каким углом ни посмотри.

Хмм... почему же тогда три кристалла треснули при резке металла, а шлифовка даже поцарапать его не может? Чтобы на него повлиять, нужно приложить определённое давление?

Эмили снова подносит кристалл к ленте и продолжает снимать металл, пока у неё не остаётся идеальный каплевидный камень размером с ноготь. Она поднимает маску и возвращает на место прозрачную лупу, чтобы внимательнее рассмотреть первый полностью очищенный кристалл.

Он похож на стекло, и его цвет словно переходит от светлого, с лёгким лазурным отливом по краям, к глубокому тёмно-синему морю в центре. Синему настолько глубокому, что взгляд почти невозможно провести сквозь него — наоборот, он затягивает Эмили внутрь, насильно удерживая её внимание, будто бездна зовёт её.

Глубоко внутри этой бездны тянутся наружу нити молнии, стремящиеся к внешнему миру, но угасающие прежде, чем достигают успеха.

Эмили с усилием отрывает взгляд от центра кристалла и вздрагивает. На одно мгновение она словно потеряла контроль над собственным телом, зачарованная красотой камня, — и это пугает её.

Тяга, которую она почувствовала от кристалла, неестественна, но не опасна. Это она ощущает инстинктивно.

Инстинкт, возникший в ней самой, тоже неестественен. Это она понимает уже логически.

Эмили мотает головой и решает проигнорировать странное внутреннее противоречие, которое начинает укореняться где-то на задворках её сознания. Она убирает готовый кристалл в ящик, чтобы не отвлекаться, и переводит взгляд на остальные. Один за другим она очищает от металлических остатков все неповреждённые кристаллы, прерываясь лишь на обед, когда Гербер зовёт её.

— Что-то уж очень много визга я оттуда слышу. Мне стоит беспокоиться? — спрашивает Гербер, отхлёбывая тёплый бульон из миски перед собой.

— Да нет, всё нормально. Просто немного работаю с металлом.

— Правда? А то по твоему лицу так не скажешь. С тех пор как вошла, смотришь на этот суп так, будто он у тебя жену увёл. Ну давай, рассказывай, что не так. Я, может, и старый, но кое на что ещё гожусь.

Эмили поднимает взгляд от супа и переводит хмурый взгляд на Гербера, потом вздыхает и трёт висок, пытаясь придумать, как объяснить свою проблему.

— Скажем, чисто гипотетически, ты нашёл предмет, который ощущается... будто не вписывается в знакомый тебе мир. Ты хочешь узнать о нём больше — и чувствуешь, что должен. Но в то же время чувствуешь, что лучше его проигнорировать, потому что он разрушит всё твоё понимание мира. Что бы ты сделал?

Гербер с интересом приподнимает бровь, но выражение лица у него быстро становится серьезнее, когда он замечает серьезность Эмили.

— Хмм. То есть ты спрашиваешь, стоит ли следовать логике и выяснить больше, или же послушать инстинкт и остаться в неведении?

Эмили немного размышляет и, решив, что это достаточно близко к сути, кивает, предлагая ему продолжать.

— В таком случае я скажу: почему бы не узнать больше? Если ты думаешь, что это правильно, то к чёрту инстинкты! Даже если в итоге то, что ты узнаешь, уведёт тебя с привычного пути, ты всегда сможешь отвернуться и вернуться к прежнему образу мыслей. Не все пути подходят всем. Твоя сестра решила стать швейей, я решил стать часовщиком, а ты... у меня такое чувство, что ты ещё не до конца определилась.

Эмили неловко ёрзает от намёка в его словах, но продолжает молча слушать.

— Мы все идём своим путём. То, что ты узнаешь и что решаешь после этого делать, — именно

что выбор. Выберешь ли ты безопасность невежества или невозможность жить по-старому после нового знания — не важно. Что бы ты ни выбрала своей истиной, это не имеет значения, пока это твоя истина. А решить это, как по мне, можно только увидев обе стороны уравнения.

Гербер умолкает, допивает бульон и встаёт, ероша ей волосы.

— Конечно, всё это лишь стариковское брюзжание, и ты вполне можешь меня полностью проигнорировать, — усмехается он, относя миску к раковине и направляясь обратно в мастерскую.

Эмили позволяет его словам осесть в голове, глядя ему вслед и постепенно укрепляясь в решимости.

Я спрашивала не совсем об этом... но выбор, значит? Смогу ли я и правда отвернуться, если этот кристалл и правда неестественен?.. Да и захочу ли вообще? Хех. Если я не захочу, то зачем вообще об этом переживать? Это само по себе уже будет моим выбором.

— ...Эй, пап, — негромко окликает она его. — Спасибо.

Гербер оборачивается через плечо и встречается с ней взглядом. На его лице появляется улыбка.

— Рад, что смог помочь.

Вернувшись в мастерскую, Эмили принимается за работу с новой силой. Через час все восемь целых кристаллов полностью очищены от металлических остатков. Теперь её внимание переключается на три повреждённых.

Не особо хочется шлифовать их. По виду, они треснут даже от небольшого давления... Ладно, проверю, права ли я, а с остальными решу потом.

Приняв решение, Эмили убирает два более крупных треснувших кристалла в ящик к уже готовым и кладёт оставшийся, размером с ноготь, в центр верстака. Она берёт маленький молоток и зубило, ставя лезвие зубила в точку, где сходятся трещины. Лёгким, быстрым движением кисти она наносит удар. Раздаётся высокий звон, а следом — хруст. Эмили отводит руки и замороженно наблюдает.

Тонкие трещины медленно расползаются по поверхности кристалла. Слышатся новые потрескивания, некоторые разломы встречаются, образуя узлы, и те мгновенно оживают, создавая вокруг кристалла замысловатый узор. Прежде чем трещины полностью поглощают его, Эмили замечает, как молния внутри стягивается к этим узлам, а затем растекается по поверхности верстака.

Ой, чёрт—

Мир вспыхивает белым.

Эмили отшвыривает назад со стула — сильный удар приходится прямо в лицо. В ушах звенит от треска молнии, пока она, лёжа на полу, медленно оглядывается вокруг, давая глазам привыкнуть к яркости.

Когда её взгляд падает на верстак, она видит потрескивающую конструкцию из молнии, своей формой странно напоминающую только что расколовшийся кристалл. Вокруг неё в воздухе кружит маленькое облако металлической стружки.

— Ого... — у Эмили отвисает челюсть, пока она зачарованно смотрит на танец синего и чёрного.

Так же быстро, как появилось, молниевое образование исчезает, и металл падает на стол. Эмили ещё несколько секунд сидит на полу, пытаясь осмыслить увиденное.

Чёрт... теперь у меня только прибавилось вопросов.

Она со стоном поднимается, потирая шею. Сняв маску, осторожно подходит к верстаку и смотрит на опалины, выжженные в дереве. Проводя пальцем по следам, она замечает разительное сходство между узором на столе и трещинами на кристалле перед тем, как тот взорвался.

Нахмурившись, Эмили достаёт ручку и бумагу и начинает делать пометки.

Почему эта... «молния» сохранила форму кристалла после его разрушения?

Почему она шла только к этим... «узлам» трещин, а не к другим разрывам?

Почему удар пришёлся только по голове?

Почему металл вообще начал парить в воздухе?!

— Хмм... ладно, это можно разделить на три основные проблемы, — начинает она бормотать себе под нос. — Первые два вопроса — о странной устойчивости этого узора. Удар в лицо — странно, но с узорами вроде бы не связан. Парящий металл — тоже странно, может, какая-то реакция между молнией и металлом? Стоп, моя маска металлическая! Может, удар по лицу был из-за неё. Ладно, значит, остаются две основные проблемы.

Её размышления прерывает стук в дверь.

— Эй, Эми! Всё в порядке? Что это был за шум? — доносится голос Гербера.

— Всё нормально, снова балуюсь с чёрным порохом! — в панике отвечает Эмили, хватаясь за первое пришедшее в голову оправдание.

Гербер открывает дверь и заглядывает внутрь. Его взгляд скользит по опалинам на верстаке и по фартуку Эмили. Он хмурится, затем устало вздыхает.

— Пожалуйста, будь осторожнее, когда работаешь со взрывчаткой. Ты же говорила, что усвоила урок...

— Прости, — слабо отзывается она, отводя взгляд и не решаясь посмотреть ему в глаза.

— Хотя бы предупреждай меня, если собираешься заниматься чем-то опасным, ладно? Я чуть не уронил часы, над которыми работал, когда услышал этот грохот.

— Хорошо, буду, — отвечает Эмили и наконец смотрит на него.

— Честно говоря, — продолжает Гербер, ухмыляясь, — когда ты начала задавать мне философские вопросы, я подумал, что ты займёшься чем-то более глубоким, чем очередная попытка себя взорвать.

Эмили мрачно смотрит на него, пока он тихо посмеивается и выходит из комнаты. Она вновь переводит взгляд на верстак и со вздохом опускает глаза на лист с вопросами.

Так, начнём с самого простого. Движение металла без новой молнии не проверить — пока оставим. Сохранение формы молнии без разрушения ещё одного кристалла тоже не изучить, а мне не хочется, чтобы папа решил, будто у меня входит в привычку слишком часто подрывать себя. Значит, пока отложим и это. Остаёшься ты.

Она несколько секунд постукивает ручкой по второму вопросу в списке, затем открывает ящик с кристаллами. Выбрав самый крупный треснувший и самый похожий на него целый, она закрепляет их рядом на механических руках.

Она берёт ещё несколько листов бумаги и подвигает лупу так, чтобы смотреть внутрь треснувшего кристалла. Внимательно следя за нитями молнии, Эмили начинает рисовать кристалл и отмечать пути, по которым та проходит.

Через полчаса кропотливой работы перед ней лежат три проекции кристалла. Линии на бумаге выглядят запутанным переплетением: извиваются, пересекаются и обрываются в самых

неожиданных местах. Но на лице Эмили медленно расплзается улыбка.

Шесть точек... «Молния» касается края кристалла только в этих шести местах, и большая часть нитей всегда идёт к одной из них — особенно много к той, где проходит трещина. Хммм... они как будто собирают эту «молнию». Ладно, пока назову их «фокусными точками».

Кивнув своей выдающейся способности давать названия, Эмили заставляет себя успокоиться и переходит к целому кристаллу. Сначала она изучала треснувший, чтобы использовать трещину как внешний ориентир, а теперь должна подтвердить теорию о фокусных точках на неповреждённом образце.

Через час, уже успев в первой попытке сбиться с вращения кристалла и начать заново, Эмили сидит над ещё одной законченной схемой внутренних путей кристалла.

Любопытно... этот кристалл такого же размера, как тот, но у него семь фокусных точек. Интересно, это что-то меняет?

Думает она, безумно ухмыляясь своей подтверждённой теории.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17112/1597392>